

Василий ГРИШАЕВ

„СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

Кто бывал в литературно-краеведческом музее барнаульской школы № 27 или в отделе редкой книги краевой библиотеки имени В. Я. Шишкова, тот, возможно, видел тоненькие, в 16—30 страничек, книжки с надписью на верхней части скромной обветшалой обложки: «Библиотека «Сибирский рассвет».

Эта библиотека — одна из интересных страниц истории культуры нашего края.

В предреволюционные годы на Алтае среди крестьян значительным влиянием пользовались кооперативные организации: Алтайский союз кооперативов, Алтайский центральный кредитный союз и другие. В апреле 1917 года, то есть вскоре после Февральской революции, они создали культурно-просветительный отдел для проведения политической и внешкольной работы на селе. Политическая работа кооперативов, хотя они и заявляли многократно о своей внепартийности, имела отчетливую эсеро-меньшевистскую окраску и защищала интересы зажиточного крестьянства. Но среди инструкторов кооперативов были и большевики (М. К. Цаплин, В. И. Устинович), настойчиво боровшиеся за ленинскую линию.

Впрочем, главной задачей отдела, особенно после Октябрьской революции, была культурно-просветительная работа на селе: открытие культпросветобществ, библиотек-читален, школ и курсов для взрослых, книжных магазинов и даже постановка театрального дела.

Отделу был передан кооперативный журнал «Алтайский крестьянин». Время от времени в нем появлялись стихи и рассказы; однако большинство авторов отказывались давать свои произведения в малоизвестный журнальчик, выходящий к тому же мизерным тиражом. Между тем после революции спрос на книги в деревне значительно возрос, а издание их, в связи с войной и разрухой, резко сократилось. И вот отдел решил наладить собственное издание произведений прозаиков и поэтов, в первую очередь сибирских.

Так возникла библиотека «Сибирский рассвет».

Учитывая, что толстая, а следовательно, дорогая книга спроса в деревне не найдется, да и не под силу будет для малограмотного крестьянина, решено было издавать книги для народа в виде брошюр по

16—30 страниц, зато по 30—35 названий в год.

Писатели, к которым обратились за сотрудничеством, охотно дали свое согласие. Одним из первых откликнулся Вячеслав Шишков, живший в то время уже в Петрограде. В краевом госархиве хранится его письмо Порфирию Казанскому, члену правления культпросветотдела. Из письма видно, какие прочные связи были у Шишкова с местными литераторами Степаном Исаковым, Арсением Жиликовым и другими.

Начинание культпросветотдела встретило горячую поддержку во всей Сибири, и не только в Сибири. Отовсюду посыпались заявки на будущие книги и пожелания успехов.

«Среди всеобщей разрухи русской жизни, — писал Г. Н. Потанин, — заставляющей общественных деятелей опускать руки и приводящей их в отчаяние, культурное начинание барнаульцев нельзя не признать утешительным явлением».

Ему вторил известный сибирский просветитель и книготорговец П. И. Макушин: «От души приветствую Ваше намерение издавать в общедоступных по цене книжках произведения наших писателей. Со своей стороны готов всеми силами и способами содействовать распространению Ваших изданий».

Ближайшее участие в этом деле принял Алтайский губернский литературный комитет, более известный под шутивным названием «Агулипрок», что означает: Алтайский губернский литературно-продовольственный комитет.

Почему вдруг продовольственный?

В ту голодную пору Советская власть, чтобы поддержать немного членов комитета, выделяла им на заседания бутерброды с чаем или кофе. Вот кто-то и пустил в оборот словечко: продовольственный. Народ-то был в основном молодой, неунывающий. П. А. Казанский сочинил даже шуточный «Гимн Агулипрока». Вот он:

Свободной каше пятью-двойственной
возжен искусства яркий свет.
Литературно-продовольственный
мы учредили комитет.
Алтайский он. В нем при
вечерние
любезны сердцу и уму.

Ликуй, Алтайская губерния, —
губернский звание ему.
Под стать свободы прочим
факторам
сулит он нам великий прок.
Цвети в веках, на страх
редакторам,
на славу нам — А-гу-ли-прок.

В его состав входили С. Исаков, А. Жиляков, П. Казанский, А. Ершов, Г. Пушкирев. «Агулипрок» образовал при культпросветотделе литературно-издательскую секцию, которая взяла на себя подбор произведений, их редактирование и пр.

В декабре 1917 года огромным по тому времени тиражом, 30 тысяч экземпляров, вышла первая книга библиотеки «Сибирский рассвет» — рассказ Георгия Гребенщикова «В полях». Вслед за нею, такими же тиражами, появились: «Санькин марал» Александра Новоселова, «Чуйские были» Вячеслава Шишкова, «Там, в горных долинах» Степана Исакова, «В тихих лесах» Арсения Жилякова, поэтический сборник «Родному краю» Порфирия Казанского. В апреле 1918 года седьмая книжка библиотеки «Сибирский рассвет» — рассказ Артема Ершова «В поисках Родины».

А в мае в Сибири произошел контрреволюционный переворот. Но культурно-просветительный союз Алтайского края ушел (так, с марта 1918 года, после преобразования в самостоятельную организацию, стал называться культпросветотдел).

Внепартийная кооперативная организация ставила своей целью, как было записано в ее уставе, «содействовать дошкольному, школьному и внешкольному просвещению народа». Только вести просветительскую и издательскую работу становилось все труднее. Отчаянные попытки правления «Союза» достать бумагу где-либо в охваченной гражданской войной стране или даже за границей кончались, как правило, неудачей.

Восьмую книжку библиотеки «Сибирский рассвет» — сборник рассказов Исаака Гольдберга «Большая смерть» удалось издать лишь в сентябре 1918 года. А за весь 1919-й год вышли, насколько удалось установить, лишь сборник «Две души» Алексея Новикова-Прибоя да три выпуска детских сказок.

Но и в таких условиях культпросветсоюзу удалось осуществить, казалось бы, немислимое для того времени дело — издание литературно-художественного журнала «Сибирский рассвет».

Мысль о реформировании малопопулярного, к тому же приносившего убытки журнала «Алтайский крестьянин» в «толстый» литературно-художественный журнал возникла среди членов «Агулипрока». В первую очередь тут надо назвать Степана Исакова, ставшего во второй половине 1918 года редактором «Алтайского крестьянина».

Перелистывая рукописи и письма, хранящиеся в краевом госархиве, невольно удивляешься: кто только не присылал свои произведения в редакцию барнаульского журнала! Рукописи шли с Урала, со всех концов Сибири, с Дальнего Востока. Были

здесь и поборники «чистого искусства», и крестьяне-самоучки, и колчаковские офицеры, и работники газет и журналов, окончивших свое существование с падением самодержавия... Хватало графоманов. Но среди десятков фамилий встречается немало таких, которые оставили определенный след в литературе: П. Л. Драверт, И. Г. Гольдберг, Г. А. Вяткин, К. В. Дубровский, К. К. Худяков.

Рано умерший курганский поэт Кондратий Кузьмич Худяков был, между прочим, первым наставником выдающегося советского писателя Всеволода Иванова. В автобиографической «Истории моих книг» он называет его «человеком нежной и живой фантазии, дивного упорства и острого таланта».

В бумагах редакции журнала «Сибирский рассвет» хранится такая любопытная записка:

«Подателю сего Виталию Валентиновичу Белянину прошу выдать рукописи моих стихотворений, переданных туда Серг. Ег. Пузыревым, если они не помещены уже или не могут быть вообще напечатаны в Вашем уважаемом журнале. Подписи под стихотворениями: Г. Днепров, Гуд, Бодай-Корова, Романтик.

С совершенным почтением Г. Днепров».

Виталий Валентинович Белянин — это же Виталий Епанки, будущий знаменитый детский писатель! Известно, что под такой фамилией он в это время жил и работал в Бийске.

Сообщил содержание записки его дочери Елене Витальевне (кстати, уроженке Бийска), проживающей ныне в Ленинграде. Вот что написала она в ответ:

«Отец всю жизнь писал стихи, немного, но писал. Никогда не печатал под своим именем, однажды только отдал герою своего рассказа. О том, что печатал в бийский период — сведения косвенные. Есть у меня подозрение, что стихи в № 7 журнала «Народные думы» за 1919 год (кооперативно-земский журнал, Бийск) за подписью — Италин принадлежат отцу. Но это только подозрения. Ваш «Романтик» звучит подозрительно, но и только. А вот по поводу Г. Днепровы сведения более точные. Тот же номер журнала открывается рядом стихотворений за подписью Гр. Днепровы. Рядом с этой подписью рукой отца подписано: «Григорий Петрович Радченко. Умер в 1919 году на Великом Сибирском пути между Курганом и Новониколаевском».

В двухтомных «Очерках русской литературы Сибири» (Новосибирск, 1982), а также в книге В. Трушкина «Литературная Сибирь первых лет революции» (Иркутск, 1967) Г. П. Радченко даже не упоминается. Но такой поэт, выходит, был. Между прочим, одно его (без названия) стихотворение опубликовано в десятом (августовском) номере «Сибирского рассвета».

Ядром авторского коллектива журнала стали «агулипроковцы» Исаков, Жиляков, Ершов, Казанский, Пиотровский, Пушкирев, известный исследователь Алтая В. И. Верещагин и др.

Выдающуюся роль в становлении журнала сыграли писатели-«центровики»

А. С. Новиков-Прибой и Павел Низовой (Туликов).

Как они очутились в Барнауле?

В конце марта 1918 года, по распоряжению Правительства, из Москвы в Барнаул вышли три санитарных поезда Всероссийского Земского союза с грузом мануфактуры, предназначенной к обмену на хлеб для голодающей столицы. (Санитарные поезда задействовали просто потому, что не хватало вагонов).

Начальником одного из поездов, № 204, был А. С. Новиков-Прибой, а в другом поезде заведовала хозяйством его жена Маргарита Людвиговна.

Вместе с Новиковым-Прибоем выехали писатель Иван Вольнов и сын М. Горького Максим Пешков.

До Барнаула добрались благополучно, однако здесь простояли более трех недель. Хлеб поступал медленно. Видимо, не обошлось без саботажа со стороны антисоветских настроенных элементов, которых хватало в ту пору в мешанско-купеческом Барнауле. На эту причину указывает и Новиков-Прибой в очерке «За хлебом».

Наконец вся мануфактура была обменена, и первый поезд, № 204, двинулся в обратный путь. В Новониколаевск (ныне Новосибирск) прибыли вечером 25 мая. Обстановка здесь была тревожная. На станционных путях скопилось несколько эшелонов с бывшими военнопленными чехословаками, которые вели себя вызывающе. Среди них толкалось немало русских в штатском, но с явно офицерской выправкой.

Сбежал начальник охраны поезда, бывший штабс-капитан. Новикову-Прибою и активно помогавшему Максиму Пешкову с трудом удалось добиться отправки поезда.

Позже они узнали, что через три часа после их убытия в Новониколаевске вспыхнул контрреволюционный мятеж. Белочехи с помощью белогвардейцев свергли Советскую власть в городе.

Почти одновременно мятежи произошли в ряде других городов на пути следования поезда № 204, и ему просто чудом удалось добраться до Москвы, доставить в целостности дорогой груз — алтайский хлеб.

Но остальные два поезда были задержаны в Барнауле. С ними осталась и жена Новикова-Прибоя с малолетним сыном, осталась без крыши над головой, в незнакомом городе, захваченном вскоре белочехами и белогвардейцами.

В то время нарком просвещения А. В. Луначарский (видимо, он не представлял еще масштабов переворота) решил направить в Сибирь группу писателей и других работников искусства для культурно-просветительной работы. Новиков-Прибой с радостью ухватился за эту возможность разрыть семью.

Вместе с ним выехал и его друг писатель Павел Низовой.

По свидетельству заведующей литературно-краеведческим музеем школы № 27 Л. М. Остерга, вместе с ними, также по направлению А. В. Луначарского, прибыли в Барнаул скульптор С. Р. Надольский и его жена художник Н. А. Янова-Надольская. Исследователь В. С. Петренко, изучавший биографию С. Р. Надольского, со-

общил автору этих строк, что Надольские, по документам, выехали из Москвы 1 августа 1918 года. Вполне возможно, что выехали они все вместе, четвером.

До Барнаула они добрались, но обратный путь к тому времени стал невозможным...

Новиков-Прибой исполнял некоторое время даже обязанности редактора журнала «Сибирский рассвет». Восьмой, июньский номер, например, вышел за его подписью.

Алтайские впечатления не прошли бесследно для его творчества. Вспомним рассказы «Зуб за зуб», «За городом», «Вековая тяжба». В лучшем из них, «Зуб за зуб», противопоставлены образы представителей двух борющихся лагерей — жестокого, вероломного карателя капитана Прибылева и отважного партизанского вожака Потапа Кротова. Каратели живым закапывают его в землю, но это лишь еще одно свидетельство их обреченности, бессилия и скорой неминуемой гибели...

«Зуб за зуб» увидел свет, разумеется, лишь после изгнания колчаковцев.

На страницах журнала «Сибирский рассвет» один за другим появляются рассказы А. С. Новикова-Прибоя: «Шалый», «Две души», «На медведя», «Море зовет». По своим художественным достоинствам это наиболее значительные произведения прозы из опубликованных в журнале.

Очень плодотворным был алтайский период и в творчестве Павла Низового. Им опубликованы в «Сибирском рассвете» рассказы «На промыслах», «Часовня», «Тени», «Час девятый», а позже на алтайском материале написаны: повесть «Язычики», рассказы «В горах Алтая», «Золотое озеро», «Крыло птицы», «В горном ущелье», «Звериным следом».

«Самая лучшая глава вписана в мою жизнь Алтая», — отмечал он позже в автобиографии.

Среди создателей журнала достойное место занимает и бессменный председатель правления Культпросветсоюза Павел Григорьевич Зобачев, член партии большевиков с 1917 года. Вклад этого человека в развитие культуры Алтая, и в первую очередь журналистики, еще, мне кажется, слабо оценен. Вот выдержка из его автобиографии, подтверждающая документами:

«После изгнания колчаковцев я по заданию губкома РКП(б) и губревкома создавал совпартшколу, курсы красных учителей и тогда же был назначен заведующим губотделением Центропечати, вскоре начальником губполитпросвета*, а в мае 1922 года — редактором губернской газеты «Красный Алтай», губуполномоченным и корреспондентом РОСТА».

Позже он редактировал газеты «Звезда Алтая», «Ойротский край», журналы «Коммунар», «Коммунистическая ячейка», «Алтайская деревня».

И. Г. Зобачев был другом и советчи-

* Губернский политико-просветительный отдел. Образован в декабре 1920 г. В его ведении находились библиотеки, избы-читальни, народные дома, клубы, школы взрослых, совпартшколы, школы ликвидации неграмотности.

ком многих писателей и журналистов Алтая.

«Иван Григорьевич, — вспоминает А. М. Топоров, — сам художественных произведений не писал, но все барнаульские беллетристы видели в нем человека, разбиравшегося в живописном слове, умного политического наставника и честного критика-друга... От тех давних лет в памяти сохранился образ человека простого, искреннего, скромного, готового в любую минуту прийти людям на помощь. А главное — он любил литературу как-то по-особенному чисто и бескорыстно...»

Выехав в конце двадцатых годов с Алтая, И. Г. Зобачев более тридцати лет отдал журналистской работе: был редактором газет и журналов в Новосибирске, Минусинске, Улан-Удэ, Новокузнецке, Прокопьевске, членом редколлегии краевой газеты «Советская Сибирь»; в годы Великой Отечественной войны возглавлял сектор печати Новосибирского обкома ВКП(б), затем областной радиокомитет. Его заслуги отмечены орденом Трудового Красного Знамени и медалями, персональной пенсией союзного значения. Умер Иван Григорьевич Зобачев в 1975 году в Новосибирске.

Первый номер журнала «Сибирский рассвет» вышел в январе 1919 года тиражом 4500 экземпляров. Первоначально он планировался как двухнедельный, но на первый же номер были израсходованы почти все запасы бумаги. С третьего номера журнал стал ежемесячным.

Публикации в нем были неравноценными. Наиболее слабой оказалась поэзия. В ней преобладали мотивы тоски, безнадежности. Лишь немногие поэты выражали оптимистическое отношение к жизни (Драверт, Худяков, отчасти Пиотровский).

В отделе публикации наряду с интересными очерками о выдающихся деятелях науки и культуры Сибири печатались политические обзоры, отдающие эсеро-меньшевистским духом. Кое-где в них проскальзывали, правда, элементы критики, но она была слабой, робкой.

Несравненно лучше на этом фоне выглядела проза. Большинство произведений было посвящено дореволюционному прошлому и проникнуто любовью к простому человеку, ненавистью к его угнетателям. Против насильников, присвоивших себе право судить других, выступает Новиков-Прибой в рассказе «Две души». В «Недрах жизни» Исаков поднимает голос против братоубийственной гражданской войны, развязанной белогвардейцами и интервентами. Подкупают смелостью рассказы Павла Низового: «Часовня» — о беззастенчивости кулаков и лицемерии служителей церкви, «Тени» — о событиях 1905 года, «Час девятый» — о крестьянском бунте в 1917 году*.

* Читателям, интересующимся более подробным критическим разбором произведений, опубликованных в журнале «Сибирский рассвет», рекомендую статью Ю. С. Постнова «Из истории литературной жизни Сибири в период колчаковщины и гражданской войны. (В кн.: Культурное строительство в Сибири). Новосибирск. 1965. Стр. 21—36).

«Журнал «Сибирский рассвет» был оппозиционным по отношению к Колчаку, — отмечал позже Владимир Зазубрин в статье «Сибирская литература 1917—1926 годов».

Ему вторит И. Г. Зобачев в беседе с критиком и литературоведом Н. Н. Яновским: «Степан Исаков (редактор журнала — В. Г.) честно выполнял свою работу, не допуская антибольшевистской крикливости, которой наполнена была колчаковская пресса».

Но произведений явно революционного звучания на страницах «Сибирского рассвета» не было. И объясняется это, как отмечает Ю. С. Постнов, не только свирепостью колчаковской цензуры, но и противоречивостью и неясностью политических позиций многих авторов, вынужденным отказом писателей от изображения современных событий».

К чести журнала «Сибирский рассвет» надо сказать, что он ни разу не запятнал свои страницы нападками на Советскую власть и восхвалением колчаковского режима, как это делалось, например, в «Сибирских записках» — журнале, выходившем в Красноярске. Большинство писателей и читателей отвернулось от него. Несмотря на щедрые субсидии, он выходил жалким тиражом — 500 экземпляров.

В документах Культпросветсоюза отмечается, что уже в конце июля 1919 года «по условиям текущего политического момента» проезд инструкторов «Союза» во многие районы Алтая стал невозможен. «Текущий политический момент», как не трудно догадаться, состоял в том, что многие районы Алтая к тому времени были охвачены партизанским движением. В такой обстановке попытки заезжих «внепартийных» кооператоров организовать культпросветобщества, чтения, спектакли не встречали, мягко выражаясь, понимания у крестьян.

А вскоре и ездить стало некому. К сентябрю колчаковские власти почти поголовно мобилизовали служащих «Союза». Работу всех его отделов пришлось свернуть. Лишь издание «Сибирского рассвета» решено было продолжать до конца года, но и это не удалось. На последнем, сдвоенном, номере 11—12 (сентябрь—октябрь) журнал прекратил существование...

Полный его комплект можно увидеть в краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова, первый и второй номера — в краевом госархиве, третий—седьмой — в литературно-краеведческом музее школы № 27. В этом замечательном музее собрана, кстати, и наиболее крупная на Алтае коллекция «Библиотеки «Сибирский рассвет» — пять выпусков из девяти.

Не следует преувеличивать роль и значение журнала, а также библиотеки «Сибирский рассвет», их влияние на умы крестьян в период жестокой борьбы с колчаковцами за восстановление Советской власти в Сибири. И все же мы разглядываем теперь эти скромные памятники культуры нашего края с чувством глубокого уважения и благодарности к барнаульским и другим литераторам, выполнившим свой писательский и гражданский долг в такую пору, когда простая честность была подвигом.